

СЛЁЗЫ В ДОЛГ

Виктор не помнит, когда последний раз плакал. Не по родным людям, ушедшим в мир иной, а за себя, от обиды и своего бессилия. Скорее всего, плакал горючими пацаном. Причины бывали разные. Чаще от кулаков мальчишек старшей группы детского дома. А тут его, сорокалетнего, прорвало...

Стоял промозглый октябрь. Он и его напарник Генка Бугров хлестались безвылазно на хлебоуборке. Сначала молотили хлеб на деляне Бугрова, затем перешли, припозднившись, на ниву Виктора. Комбайн у Генки часто ломался, подолгу стоял красной огромной кочкой на поле, и эта вольтанка больно бередила душу Бабашина, сеяла недоверие к напарнику.

Пшеница у Виктора по чистому пару хорошо уродила, сыпалась в бункера двух комбайнов золотым потоком, и сердце пело: долг перед банком за «Кировца» уж точно погасит, и угроза его потери отпадёт, как примороженный осенний лист. Но сроки платежа поджимали. Виктор, измотав на кулак нервы, сумел-таки добиться некоторой отсрочки, так как урожай хорош, но пока на корню. На поле приезжали две фифочки из банка, убедились, что у Виктора Бабашина действительно богатая нива: неделя-другая — и обозначенную горящую сумму потушит хлебный поток.

Не вышло! Тяжело болела жена, простудилась зимой на дойке коров у частника, этой осенью добавила простуды, и её разбил полиартрит. Лежала в постели беспомощной колодиной. Здоровыми остались только голова, звонкий голос и сознание. Виктор мотался на мотоцикле с поля домой и

обратно, чтобы приготовить пищу, хоть раз в сутки накормить жену горячим да поесть самому. И на полевом бездорожье мотоцикл занесло, скорее, зазевался, и седок залетел под свою же машину, идущую на ниву.

Виктор, казалось, услышал хруст кости правого бедра и голени. Мать твою!.. В глазах от боли сначала потемнело, потом заплясали жгучие искры. Дико заорал. Хлеб-то, хлеб, такой хлебушко уйдёт под снег! Северянин дул второй день, нагнал серые лохматые тучи, которые пока не мочили пшеницу, а лишь ранним утром пробно брызнули крупой. Правда, в стороне от его деляны. Однако угроза налицо. Повлажнело, молотить раньше обеда не придётся. А надо торопиться, смахнуть в бункера зерно с последних гектаров поля. Потом сушить и везти на элеватор. И дёрнула же нелёгкая его поехать домой к больной жене! Он не мог не поехать, разбитая недугом жена нуждалась в его постоянной опеке. Три, а то и четыре часа быть рядом, окунуться в запущенное домашнее хозяйство — большое дело. А дом неухоженный, как и он сам, особенно с сентября, когда жену приковало к постели. Двадцать лет с ней живёт душа в душу. Она тоже детдомовская. Не только любовь цепко держит тёплые отношения, но теперь больше привычка, постоянное ощущение крепкого и надёжного плеча друга. В радостях и в горестях. Всё на двоих. Важнейшей семейной скрепкой — сын. Сейчас — матрос Тихоокеанского флота, которого с нетерпением ждали домой, чтобы в две руки заниматься земледелием и брать рекордные урожаи. Для этого всё есть: желание, земля, техника.

Прибежал Бугров. Охнул, а в глазах испуга нет, а что-то другое, неуловимое. Инквизиторское злорадство и даже радость. Так потом ему толковал шофёр грузовика:

— Змею гремучую греешь на груди, придавишь, она тебе ядом ответит.

— Я никого не давлю, всем руку протягиваю.

— Тебе так кажется. Удачей придавливаешь.

— Да какая удача? Трактор — конечно, удача. Я её выстрадал. Только неполная она. Ссуда зубастая грызёт за горло.

— Вот она все твои дела — в пепел.

Генка помог Виктору вместе с водителем забраться в кабину грузовика, и его отвезли в больницу. Жатва встала. Геннадий без хозяина молотить хлеб наотрез отказался,

сославшись на малый опыт. И загипсованный Бабашин обозвал его предателем.

Не только взгляд водителя на Бугрова помог увидеть это предательство. Виктор и сам вспоминал: искренне Генка испугался или фальшиво? Тогда ему не до оценки было. Но тоже уловил какую-то неестественную искристость в глазах. Сначала не придавал значения, а теперь и ему кажется: вроде бы искры радости полыхнули. Никогда не думал о людях плохо и не мог допустить, что ему могут сотворить зло.

Свои сомнения высказал Гале, когда через двое суток его привезли из больницы домой по слёзной просьбе. За Галей присматривала старуха-соседка. Ворчливая и сердитая на весь белый свет, особенно на новые порядки. От неё доставалось и Виктору-фермеру, и Гале, батрачившей на чужом дворе. Что же ей делать (без работы сидеть не могла — уход за своим хозяйством никогда не шёл в счёт, как обыденное дело), коль колхоз разграбили и разорили тёмные личности?

— Я предупреждала тебя насчёт порядочности Бугровых, просила не связываться с ними. Ты отмолчался.

— Генка мне казался добрым малым, такой простецкий. Душа нараспашку.

— Это у тебя нараспашку. Присмотрись, брат у него — настоящий бандит-барыга.

— Так то брат...

Среднего роста, крепкий в кости, Виктор выглядел добродушным увальнем с широкой солнечной улыбкой, мягкими и светлыми глазами. Его никто не видел унывающим, а от оптимизма и планов на будущее иные зажигались сами, хотя верилось в успех при конкретных обстоятельствах слабо. Бабашин верил в себя, в свои неуёмные силы стремительного и где-то беспшабашного человека.

— В любом случае надо бороться и жить, — толковал он, — верить в себя. Помощь от президента фермеру хоть и жидкая, но пошла, вот её и используй на все сто. Главное — не бойсь!

Виктор получил льготную ссуду, купил новый самосвал и «Кировец», с прицелом на аренду залежи в сотню гектаров для себя и для сына. Остальной набор техники хоть и не новый, но имелся.

«Кировец» для него стал бедой и выручкой, будущим семейным благополучием с широкой перспективой трудиться

на себя. В ту весну новый трактор получал долго, с волокитой из-за пропоротого заднего колеса. Пока его заменили, прошло две недели. Так что сеять хлеб крепко запоздал, зато отлично подготовил свои земли для следующего года. И хоть как-то заработать — перепахал пары соседям. Но это были крохи, которых только-только хватало загасить расписанную по месяцам ссуду. На житьё-бытьё занял у Бугрова. Тот с отдачей долга не торопил: мол, следующей весной посеешь мне в первую очередь, а затем вместе уберём мой и твой урожай.

Виктор сдержал слово. Хотя так не бывает, сначала надо бы управиться с севом у себя, тогда со свободными руками браться за всё остальное. Не с его уступчивым характером! Со своим простодушием он ни в ком не видел хищников или любителей не класть охулки на руку, как не делал этого сам, хотя право каждого — не упускать своей выгоды. Тайная интрижка развивалась за его спиной, низкая и подлая. Бугрова он знал плохо. Недавно человек появился в селе, плотничал и не мечтал никогда стать хлеборобом. Настоял старший брат. Он, можно сказать, вырастил Генку при пьющей матери, потерявшей мужа-милиционера в одной из горячих точек страны.

Подоплёка такова: фермерам дают ссуду на приобретение техники, семян. На неё можно купить грузовую иномарку, скупать у простодырых сельчан мясо и перепродавать на рынке. Дело выгодное. Геннадий согласился, с трудом оформил своё предпринимательство, получил землю, первоначальную ссуду. И почти всю отдал брату, тот быстро пустил её в оборот. Генка землёй почти не занимался, ссылаясь на то, что на выданную ссуду можно было купить то, что купил, да лёгкий колёсный трактор с плугом. Нанимал на пахоту, сев и жатву соседей по деляне. Так он перебивался два года, вошёл во вкус и дело бросать не собирался, ибо жуликоватый брат не разрешал, отмывая через фермерство мясные деньги. Тут в поле зрения братьев попал Виктор Бабашин, добившийся ссуды для могучего трактора. Бугров, глядя на него и по настойчивому совету брата, тоже попытался забросить удочки в банк через районное сельхозуправление. Но ему отказали. Была негласная установка: крупные ссуды выдавать только специалистам. Бабашин работал агрономом в обанкротившемся колхозе, Бугров — плотник. Генку заело; обрастая зелёной завистью, распознав мягкий нрав Виктора, решил его использовать на полную катушку.

Деляны фермеров находились далеко друг от друга, но, как говорится, земля слухом полнится. Слышал про Бабашина разное, познакомился и склонил Виктора за нормальную оплату поработать у него на севе. Тот в это время мытарился с получением ссуды, покупкой трактора и заменой спущенного заднего колеса. И так увяз в этой волоките, что рад был случайному заработку, ежедневно названивая на базу, справляясь о колесе. «Кировец» получил только тридцатого мая, и с севом, как говорится, поезд ушёл.

На первый взгляд, с трактором — дело обычное, новое колесо получить с завода не так-то просто. Но перед выездом из базы отпускающий продавец поинтересовался:

— Тебе знаком Бугров?

— Я у него нынче подрабатывал на севе. А что?

— Знакомец мой, мясом меня снабжает первосортным по дешёвке.

— Так это старший брат Генки Бугрова, у которого я работал.

— Хорошо платит?

— Нормально. Даже сулился в долг дать денег. Добряк.

— Ну-ну,— усмехнулся в усы продавец, на что Виктор не обратил внимания.— Бывай здоров!

Бабашин перегнал трактор и принялся его обслуживать, сожалея об упущенной весне и севе. Унывать шибко не стал: с таким богатырём он — кум королю, перепашет пары всем, кто нуждается, в августе зачернит их,— и в первую очередь получил заявку от Бугрова. Дал окрылённую телеграмму сыну, проходящему курс молодого матроса на острове Русском, чтобы порадовался важнейшему приобретению и жил мечтой работать на тракторе.

В тот плаксивый день к Виктору приехали снова две фиочки из банка, чтобы выяснить, что случилось с Бабашиным. Он как раз шёл на костылях по дорожке в стоящий на огороде сортир. Увидев банковских женщин, резко повернулся к ним и упал. Grimаса боли исказила лицо. Старшая фиочка, вместо того чтобы броситься поднимать человека, проронила:

— Так это правда, что вы в гипсе? Как же с гашением ссуды?

— Галина Михайловна, разве не ясно: он — банкрот! Трактор придётся продавать нам.

— Что вы на это скажете, господин Бабашин? — обратилась старшая к лежащему беспомощным придавленным жуком Виктору.

— Какой я вам господин?! — дико взревел фермер. — Я — работяга!

— Батюшки, да он не понимает человеческого обращения! Идёмте, Галина, тут всё ясно. Провести нас ему не удастся!

Фифочки повернулись в оскорбительной трясучке, удалились так же внезапно, как и появились.

Виктор попытался подняться, но не смог. И тут его накрыл слёзный паралич. Он бурно заревел, и обильные солёные слёзы хлынули потоком, омывая щёки, заливая рот. Он даже стал захлёбываться ими, судорожно хватал воздух. Заколотил кулаком по дорожке из досок. Ревел громко, надрывно, словно сообщая о своей горькой досаде, призывая свидетелей, которые могли бы подтвердить то, что его жизнь пошла вразнос. Но кому подтвердить: суду или Богу? Что подтвердить: что бездушный монстр — банк — уничтожает его, как злой разбойник на большой дороге? Банк — это кирпич, в нём нет ничего живого. Эти фифочки — тоже ходячие кирпичи, заполняющие внутренность монстра. Кто его создал? Бабашин прекрасно знал, как его дед ровно век назад, как переселенец из Тамбовской губернии, приобрёл «Кировца» — пардон, ломового жеребца на государеву ссуду, с началом гашения (пока не встанет на ноги!) аж через пять лет в равных долях в течение десяти лет. На вторую ссуду в этот же год купил корову-кормилицу на тех же условиях! А твёрдо встал на ноги, продавая хлеб и мясо, — казна вовсе загасила его долг.

Бабашин орал неистово, иступлённо. Перепуганная, пришла соседка-старуха и увидела, что распластанный фермер весь мокрый и сходил под себя. Старушка обругала всех хранителей-крестителей таким отборным слогом, что Виктор умолк. Старушка принесла ведро тёплой воды и принялась обмывать бедолагу, как покойника, а потом затащила его в дом и едва не замертво свалилась от усталости, а скорее от гнева на существующие нечеловеческие порядки временщиков.

Бабашинский трактор — будущее семейное благополучие — банк выставил на продажу по остаточной цене. Купил его, на удивление многих, Бугров-старший. Генка оформил аренду залежи в сто гектаров.